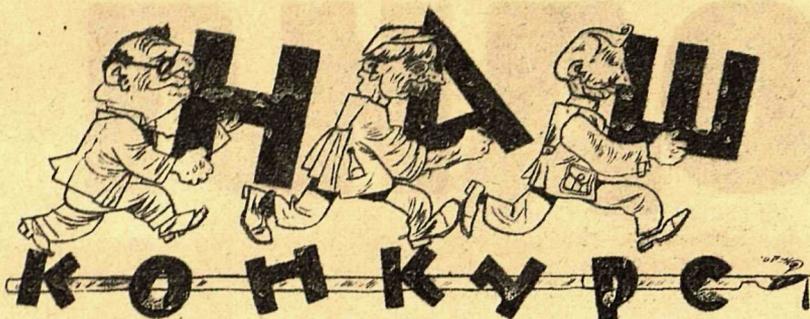

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа

ГИНДЕНБУРГ: — Пусть Германия потерпит еще немного — и я даю слово, что поставлю ее на ноги!

„КРОКОДИЛ“ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

— КАКОЙ? КОГО? ЧЕГО? НА ЧТО? ЗАЧЕМ? ПОЧЕМУ? ДЛЯ ЧЕГО? И КАК ОН СМЕЕТ?

Ответы на эти вопросы были даны неделю тому назад, в предыдущем номере «Крокодила». Но за неделю количество грамотных в СССР увеличилось, — следовательно, увеличилось и количество людей, читающих «Крокодил». Кроме того, у многих граждан, как только они прочитали о конкурсе, сразу отшибло память, — следовательно, надо ее восстановить. Одним словом, приходится начинать сначала:

„КРОКОДИЛ“ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

— Какой???

Конкурс на соискание следующих почетных (но не почетственных) званий:

1. САМОГО КРУГЛОГО ХОЗ-ИДИОТА В СССР.
2. САМОГО БЕЗОТВЕТСТВЕННОГО СОВ-БЮРОКРАТА.
3. САМОГО ОТЪЯВЛЕННОГО ЛОДЫРЯ.

— Кому разрешается участвовать в конкурсе?
Заслушав этот вопрос, «Крокодил» постановил без прений и единогласно:

— ВСЕМ ХОЗ-ИДИОТАМ,
ВСЕМ СОВ-БЮРОКРАТАМ
И ВСЕМ ЛОДЫРЯМ,

как партийным, так и беспартийным, вне зависимости от ставок, разрядов тарифной сетки, нагрузок, алиментов и семейного положения.

Во избежание недоразумений, «Крокодил» при этом поясняет:

1. Хоз-идиоты, участвующие в соревновании, вовсе не обязаны быть круглыми по внешнему виду. Худощавые, длинные, скелетообразные, угловатые и кривобокие приглашаются к соревнованию на равных правах с округленно-толстыми и шаровидными. Круглым должен быть только их хоз-идиотизм, при чем безразлично, куда именно он закругляется: в сторону идиотской расточительности, в сторону идиотского проведения реж-экономики или в сторону бесхозяйственности «в общем и целом».

Точно так же не имеет значения, будут ли участвовать в конкурсе только подлинные хоз-идиоты или наравне с ними и злостные симулянты. «Крокодилу» неинтересно залезать с вилами в чужую душу, — «Крокодилу» нужны только факты: подлинные, точно установленные и строго проверенные.

2. ОТВЕТСТВЕННЫЕ работники, до 17 разряда плюс 50 процентов включительно, не только не исключаются из числа соревнующихся на звание БЕЗОТВЕТСТВЕННОГО сов-бюрократа, но даже наоборот: «Крокодил» охотно допустит их к участию в конкурсе вне всякой очереди.

3. Звание самого отъявленного лодыря может быть присуждено как отдельному рабочему или служащему, так и коллективу: фабрике, заводу, мастерской, отделу или цеху. В самом деле: если лодырничают, прогульничали, пьянствовали, растрачивали рабочее время, портили инструменты и удачно понижали производительность труда всем скопом, при полной товарищеской солидарности, то как же можно одного наградить почетным званием, а других обидеть холодным равнодушием и молчанием? Где ж тогда справедливость, и за что же бороться?

И ЕЩЕ ВОПРОС, ТРЕБУЮЩИЙ ОТВЕТА:

— А как же привлечь хоз-идиотов, сов-бюрокротов и лодырей к участию в конкурсе?

Хоз-идиоты неподвижны, нерасторопны, туги на всякий под'ем: скоро ли их раскатаешь? Сов-бюрократы заведут бесконечную переписку, начнут вололиту, насочиняют анкет, потребуют комиссий и подкомиссий, входящих-исходящих: с ними не сдвинешься с места. Лодыри ленивы: они будут отлынивать да еще потребуют, чтобы «Крокодил» оплатил им прогульные дни. Как же быть?

«Крокодил» предвидел все эти затруднения — и постановил:

— ПРИВЛЕКАТЬ НА КОНКУРС ВСЕХ СОРЕВНОВАТЕЛЕЙ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РАБКОРОВ.

Сами соревнующиеся могут (до поры, до времени) спокойно сидеть, сложа руки. Совершенно незаметно для них (до поры, до времени), без их ведома и даже без их согласия, рабкоры их притащат и притянут, протаскают и протянут... очень далеко, вплоть до первого места на конкурсе. Так что от соревнующихся не требуется ничего, кроме поведения и способностей, обеспечивающих им право на участие в конкурсе. Наоборот, от рабкоров требуется многое: сознательность, энергия, добросовестность, точные факты, проверенные материалы, беспристрастие, смелость и так далее.

ЧТО ПОЛУЧАТ ПОБЕДИТЕЛИ НА КОНКУРСЕ?

Почетное звание — и всесоюзную известность, так как имена, отчества, фамилии, должности, подвиги, заслуги и проч., с приложением фотографических карточек, будут опубликованы на страницах «Крокодила».

РАБКОРЫ ЖЕ, ПОСАДИВШИЕ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА НА ПЕРВЫЕ МЕСТА, НЕ ПОЛУЧАТ:

ИЗВЕСТНОСТИ, так как их имена, отчества, фамилии, адреса и т. д. будут сохранены «Крокодилем» в строгой тайне.

ПОЛУЧАТ:

— Громадное нравственное удовлетворение, сознание исполненного революционного долга — и пятьдесят два номера «Крокодила» за один год.

МОГУТ ПОЛУЧИТЬ:

— ИЗВЕСТНОСТЬ, если выразят желание, чтобы имена и фамилии их были опубликованы.

— ВЫХОДНОЕ ПОСОБИЕ И КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ОТПУСК, если они и до того пользовались некоторой известностью в месте своей работы. Но хуже от этого будет не им. Хуже будет тем, от кого они это получают.

КОНКУРС НАЧИНАЕТСЯ.

О дне присуждения первых мест и почетных званий будет объявлено дополнительно.

Корреспонденцию адресовать:

МОСКВА, «КРОКОДИЛ», ТВЕРСКАЯ, 3.

На конверте не нужно добавлять к этому ничего, кроме почтовой марки.

В КОРЕНЬ И ПОД НЕГО

Крестьянин жестоко бьет скотину, но случается, что и какая-нибудь скотина бьет крестьянина.

★

Похвалу даже и от дурака слышать приятно — особенно, если он начальник.

★

Мысль высказанная — повод к неприятностям.

★

Если бы число всевозможных канцелярий сократить наполовину — глупости было бы вдвое меньше.

★

Если хочешь успокоиться — читай газеты.

ТАКИЕ ДЕЛА

Изобретена и демонстрировалась «мыслящая машина».
(Из вечерних газет).

Эх, жизнь любого обесмыслят!
Ее ужасен пошлый гнет!

Сперва начнет машина мыслить,
А после чувствовать начнет,
Потом захочет поучений,
Потом возжаждет развлечений.

Потом устанет жить трудом,
Потом страстишек общих хватит,
Потом сопьется и растратит,
И кончит дело губсудом.

Эх, жизнь поставлена на шины:
Катись, брат, времени под-стать!
Я б лично мыслящей машины
Никак не стал изобретать!

А. д'Актиль.

СВЯТОЕ ДЕЛО

(Из невероятных рассказов)

Рассказчик—пожилой крестьянин, член волисполкома и сельсовета, ревизионной комиссии кооператива и еще чего-то: общественник на сто процентов. И не верить нельзя, и поверить как-то нескладно. А впрочем, судите сами.

Разговор начался по поводу престольных праздников. Мы доказывали нашему гостю убыточность соблюдения этого дикого обычая: сколько самогону, прогудных дней, драк, даже убийств! Крестьянин нас выслушал спокойно и рассудительно заявил:

— Все это правильно, товарищи дорогие. А только я вам скажу, что престольный праздник, оно, конечно, глупо справлять и вред от него населению тяжкий, но только не за ту вы тянете. Самогон?.. Ну-к, что ж такого? Выпил, похмелился, и как рукой! Не от самогона самый убыток в деревне в престольный праздник, не самогонщик—враг режиму экономии, а комсомол и стенная газета.

Мы попробовали ахнуть и охнуть в ответ на такое заявление, но гость не дал нам ни охнуть, ни вздохнуть.

— Дело такое вышло: наш престольный праздник—на Николу вешнего. Ну, конечно дело, все было по-хорошему: и самогон загодя варили, и хлебным вином позакупились, и поп чего-то там в церкви крутил, крестный ход собирались устроить,—чин-чином. Только комсомольцы наши, будь они трижды неладны... Вы не подумайте, товарищи-граждане, что от них и раньше вред был,—наоборот, даже и пользу видели, потому ребята хорошие, работающие и все такое. Но тут их кто-то понутал словно.

— Вы, говорят, праздник с самогоном и попом, а мы протя этого стенную газету выпустим!

— Что-ж, говорим, выпускайте! Газета—вещь хорошая и почитать занятно, как вы нас распатронивать будете за праздник.

Да. Народ молодой, горячий. Бумаги нет у них, так они решили на стене написать всю газету,—на общественном сарае, где мастерская по-

чиночная у нас. Стенку отскоблили, отмыли, краску взяли и давай выводить насчет поповского дурману и самогона, который есть зелье.

Таким родом каждый по-своему к празднику готовился. Мы—свое, а комсомольцы—свое. Ладно.

Вдруг бумага из волости:

«На основании циркуляра Главлита за номером и распоряжения гублита, тоже за номером, предлагается с получением сего немедленно представить мне для просмотра стенную газету, выпускаемую во вверенном вам селе. Газета должна быть доставлена в трех экземплярах за неделю до выхода. За неисполнение сего виновные подлежат ответственности наравне».

Подписал какой-то уполномоченный гублита. Мы к нему в волость: — Товарищ дорогой, что ж вы такое вытворяете? Газета, первое дело, на стене. Как же ее доставить, да в трех экземплярах, когда она одна?

— А мне, говорит, какое дело? Чтоб была в трех экземплярах, а то штраф пятьсот рублей!

— Милый ты наш,—говорим:—да откуда же такие деньги? Плюнь ты на это дело!

Как вскипит:

— Ах, так! Нарушение революционной законности, за которую боролись? Спротивление? Гублит, говорит, губсуд и губпрокурор, губоно и губисполком, губуправление и губмилиция!!!

Губы растрепал, слюной брызжет. Не в себе человек.

Однако пятьсот рублей откуда же взять? Делать нечего, приказали комсомольцам еще две стены пачкать,—две ночи работали. Потом всем селом сарай разбирали, да так, чтобы стенок не повредить. Разобрали, свезли к гублителю этому. Успокоился человек, на два червонца однако же оштрафовал, зачем поздно представили. Но разрешил и добавил:

— Наперед во-время чтоб представлять и в том же виде! То-есть писать свое там можете, новое, но чтоб на стенах, потому что я в таком виде утвердил, в каком представлено!

Мы так и взвились:

— Товарищ дорогой, нешто мыслимо? И внукам закажем со стенной газетой путаться, а не токмо что. Первой-последний!

Как взерошится опять да опять губами со слюной:

— Святое дело вы хотите губить, а потом на меня свалите? Чтоб раз в неделю выходила мне газета! Гублит, говорит, губсуд, губпрокурор, губоно и губисполком!

С тех пор так и живем: сарай прикончили, за другой принялись, потому эти стены-то уж развалились. А сарай у нас здоровенные,—стенку не иначе как на трех подводах тащить надо, время рабочее. Ребята от дела отбились, все газету пишут: и придумать не успевают, и написать тяжело за три дня, потому два дня на лямку идет да на перевозку. Думали надуть гублителя, одну и ту же послать два раза,—не таков был гад этот: оказывается, в уголку дробненько фамилию свою ставил и номер: «Гублит № 3789654, тираж 3 экземпляра».

Думали было бросить и штраф отдать, да где же деньги-то?

А вы говорите—самогон! Нешто от него такой убыток, как от газеты!

Кто его знает, может, и напугал чего старик, а? Товарищи из гублитов, как по-вашему?

Вл. Павлов.

— Ну, что, провеяли уже раним экономии?
— Мы, брат, кого хочешь проведем!

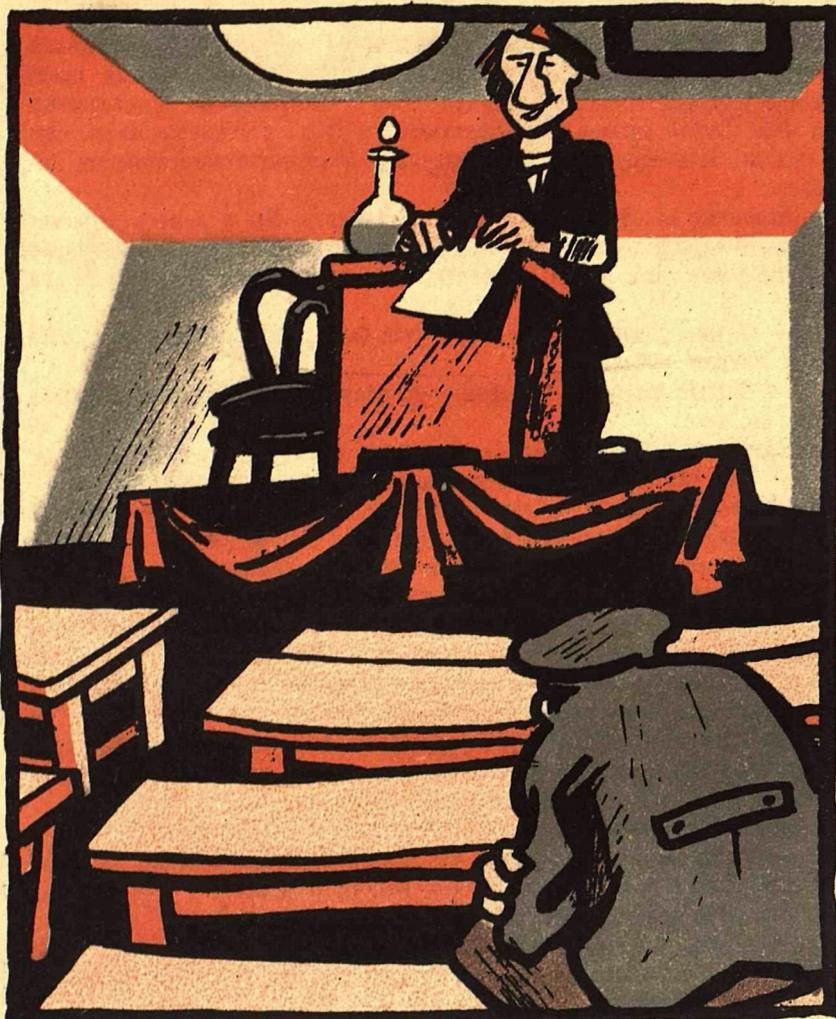
Фис. М. Храпковского

ИНОГДА БУХГАЛТЕРИЯ ВЕДЕТСЯ ВОТ ТАКИМ ОБРАЗОМ

НОВЕЙШИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К БАСНЯМ КРЫЛОВА

Рис. Ив. Малютина

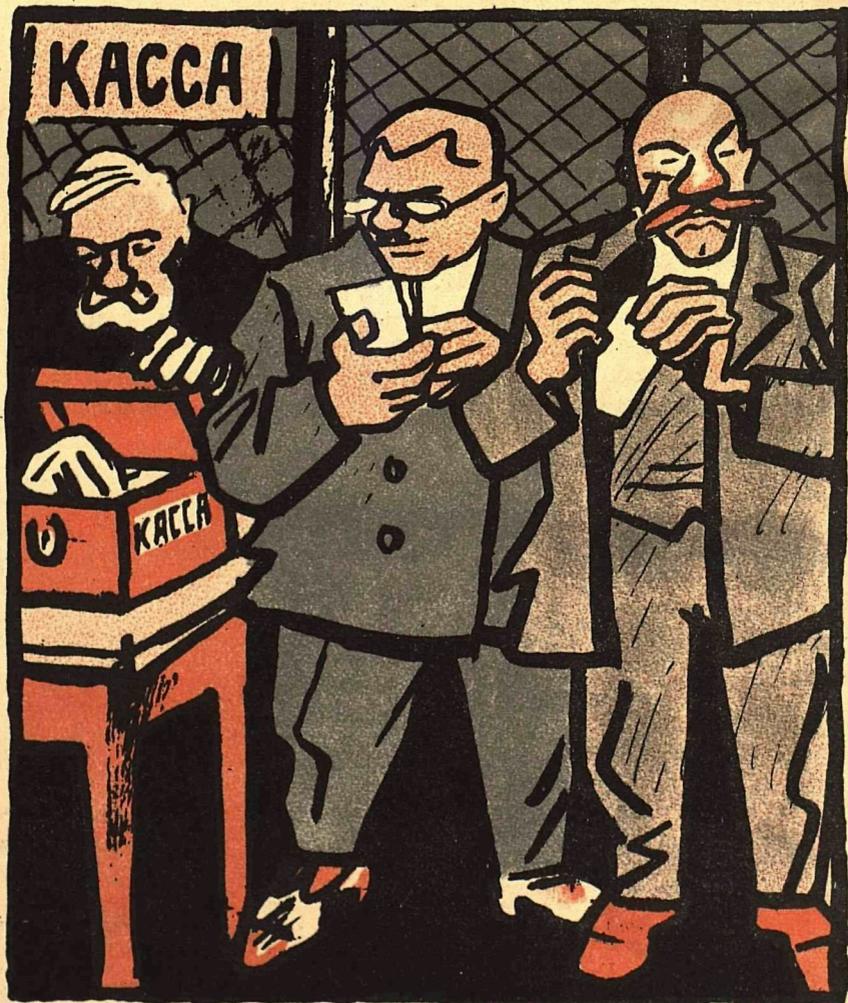
ОСЕЛ И СЛОВЕИ

СЛОН И МОСЬКА
(хозяйственник и печать)

СТРЕКОЗА И МУРАВЕИ

ЛАРЧИК
(который просто открывался)

Рис. М. Храпковского

— Ты чего лес рубишь?
— Эта роща есть буржуазное наследство. И, как сознательный гражданин, я должен уничтожить ее с корнем!

УЕЗДНОЕ

Лето...
В комнате душно и жарко...
Редактор уездной газеты
«Кочегарка»
Товарищ Шкварка
С думой
Угрюмой
Спозаранку
Пялит глаза на гранку.
— Опять скучнейший выходит номер!
Хоть Чемберлен бы какой-нибудь помер,
Что ли!
Э-эх! Уездная наша доля!
То-о-ска...
И в злобе рука
Скомкала серую гранку.
— Предисполком
Тайком
Снова устраивал пьянку
Вчера...
Кутил до утра...
И вообще у него, по слухам,
Рыльце замазано пухом...
Да чего еще лучше?

Неча
Далече
И ездить даже, —
Взять хотя б этот случай
С нашим народом, скажем.
Нардому приходит конец
И никак не хотят ремонтировать,
А он, подлец,
Отстроил себе квартиру ведь!
Играет в железку, хлещет водку —
Эх, кабы взять его в обработку
Строк на двести
С женою вместе!
* * *
В дверь стучат осторожно,
Редактор кричит тенорком:
— Войдите! Можно!
И...
В дверях — предисполком.
— Привет товарищу Шкварке!
Ну и денек —
Насквозь промок!
— Что говорить, денечек жаркий!
— А я, брат, к тебе по пути
И вроде как бы по делу:
У нас циркуляров ворох целый —
Так ты... тово... помести.
А то ведь опять на дыбы, чай, встанешь!

Да что ты ко мне не заглянешь?
Иль я тебе не по нраву?
— Да что вы, право...
— Ну, ну!
Заходи, увидишь жену,
А кстати
Поговорим о печати.
Очень она
У нас скучна.
Пора бы начать
Обличать,
Разоблачать, —
На то и печать!
Печать — это бич,
Иван Кузьмич!
Довольно, голубчик, зевать!
— Хорошо-с! Начнем бичевать!

И на завтра в газетке
На видном месте
Стояли две
Заметки:
— Беспорядки
И взятки
В каком-то тресте
В Москве.

Вас. Лебедев-Кумач

ЧЕСТНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК

Мирон Павлович Гулькин вот уж три года, как директор колбасного завода, но в городе он больше известен не как колбасник, а как благотворитель и как покровитель искусства.

Про Гулькина говорят:

- Честнейший человек.
- Добрейший.
- Скромнейший товарищ.

И это справедливо.

В порывевших сапогах и в зеленой гимнастерке военного образца он скорей походил на чернорабочего, чем на директора единственного в губернии колбасного завода.

На дверях его кабинета не было «Без доклада не входить».

В тот же день, когда Гулькин прибыл на завод, он велел немедленно снять этот бюрократический плакат. И, действительно, к нему ходили все — рабочие, поэты, актеры, драматурги, романисты, художники, изобретатели, сценаристы, вегетарианцы, рабфаковцы, коллекционеры, музыканты, нотовцы.

Всех не перечислишь. Он каждого выслушивал и редко чьи просьбы не удовлетворял.

Лично я помню два отказа.

Одному молодому композитору, предложившему Гулькину купить за 250 руб. сочиненный им полонез «Окорок».

— 250 рублей, конечно, для нашего завода пустяк, но, я боюсь, массам музыка будет непонятна. Нет.

И второй случай.

Это — когда Мирон Павлович не согласился отпустить средства на разведение сибирских кошек.

— Зачем нам и всем трудящимся СССР эти кошки? Нет.

Вот и все. А так им были закуплены для колбасного завода фантастический роман в 10 печатных листов, три производственных романа, 2 романа в стихах и несколько сот холстов, на которых были изображены коровы, телята и свиньи. 75 сценариев из жизни домашних животных лежали у него в письменном столе в левом ящике. В правом ящике лежали проекты новейших машин. Кроме того, при колбасном заводе был музей оружия и фарфора. Этим музеем Гулькин гордился. И, действительно, чего-чего там не было, — луки, стрелы, палицы, тарелки, вазы, рюмки, диваны, кресла. Чего, чего там не было!..

И вдруг... Можете себе представить, как это поразило и удивило всех граждан, — и вдруг Мирон Павлович Гулькин, директор колбасного завода, перед судом по обвинению в растрате вверенного ему народного достояния.

Когда всем ясно, что Гулькин добрейший, честнейший! Что Гулькин ни одной копейки на себя не истратил — ходит в латанных штанах.

Какой же он растратчик? А то, что завод дал за эти три года 157 тысяч убытку — это не его вина. При чем же тут Гулькин? В карман себе, что ли, он положил эти 157 тысяч?

И когда председатель суда сказал:

— Тов. Гулькин, вам предоставляется последнее слово...

Гулькин иронически улыбнулся и ничего не ответил.

Зачем тут слова?

Б. Л.

ИНЖЕНЕР-СТРОИТЕЛЬ: — Что вы, что вы?! Разве можно вешать такую вывеску? Ведь дом же может развалиться!

ВПОЛНЕ ЗДОРОВАЯ КРИТИКА

— Товарищи! Прошу брать слово. Но предварительно считаю своим долгом напомнить вам, что сейчас, в связи с кампанией о режиме экономии, нам, правлению, очень нужна ваша критика. Смело критикуйте нашу работу. Укажите, в чем именно мы были небрежливы и неэкономны.

— А без критики можно?

— Конечно, можно. Но это будет просто неуважение к просьбе правления. Мы просим, повторяю, очень просим нас критиковать. Надо же когда-нибудь дать простор гласности.

— Ну, хорошо. Дайте мне слово.

— Пожалуйста. Слово предоставляется товарищу... как ваша фамилия? Товарищ Молчалин? Прекрасно. Тов. Молчалин имеет слово...

— Товарищи! Раз само правление призывает нас критиковать его деятельность, то мы все, как один, должны критиковать. А критиковать есть что. Председатель просил указать, в чем именно пра-

вление было небрежливо и неэкономно. Я знаю один яркий пример, когда наше правление, нисколько не задумываясь...

— Извините, т. Молчанов. Я должен вас остановить. Придерживайтесь, пожалуйста, ближе к истине. Правление не могло работать, не задумываясь.

— Очень извиняюсь, тов. председатель, за неудачное выражение. Я хотел сказать, что наше правление, не взирая...

— Тов. Молчанов! Вы опять даете неверное освещение. Правление не могло не взирать.

— Я, товарищ председатель, хотел только сказать,— не жалея и не щадя...

— Предупреждаю вас, гражданин Молчанов. Выразитесь точнее.

— Ну, хорошо. Я скажу прямо. Наше правление систематически растрачивало...

— Вы с ума сошли! Я лишаю вас слова!

— Свое здоровье растрачивало, товарищ председатель!!! Здоровье!!! Не подумайте худого, товарищ председатель!

— Ага! Ну, это еще туда-сюда...

— Вот именно, товарищ председатель. Я только и хотел сказать, что правление, не задумываясь, не взирая, не жалея и не щадя, растрачивало в работе свое здоровье...

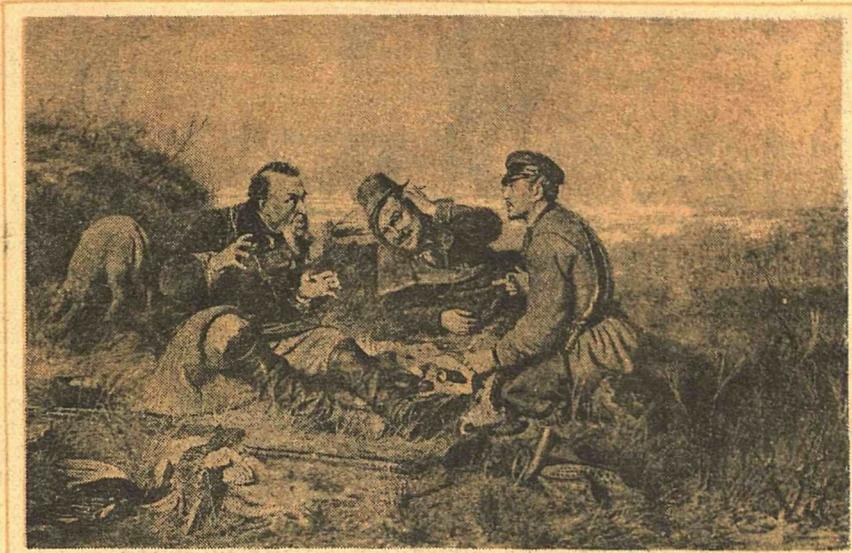
— Однако вы, товарищ Молчалин, в своей критике заходите слишком далеко. Мы, действительно, работали очень энергично ради общественного блага. Но если вас послушать, то можно подумать, что мы расстроили и потеряли на работе все свое здоровье и теперь никуда не годимся. Это уж не критика, а голая демагогия. Вы, надо полагать, кончили. Кто следующий? Желающих нет? Прения закрываются. Какие есть предложения?

— Выразить правлению благодарность.

— Голосую. Кто против благодарности—прошу поднять руку? Никого. Кто воздержался? Никого. Принято единогласно. Собрание закрывается. Предлагаю спеть Интернационал. Поют...

Б. Самсонов.

НА ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФРОНТЕ

Перов, В. Г.

Охотники на привалъ.

Наши шефы.

Асканзий, И. Л.

Монк в пустынь.

Общее собрание членов жилтоварищества.

У С Л У Ж И Л И

Заведующий под'отделом высунулся в дверь своего кабинета и позвал инспектора Тулякова.

— Это вы писали доклад о ревизии Сидоровско-Ивановского комбината?

Инспектор Туляков забеспокоился.

— Не доклад, — заговорил он, — а докладную записку. Так точно! Писал... То-есть даже не писал, а заготовил... А что? Не так что-нибудь?

— Так, — сказал заведующий. — Все это хорошо, однако... Там председателем — Червяков?

— Червяков-с! — подтвердил инспектор.

— То-то и есть! — вздохнул заведующий. — А кто такой Червяков, вы знаете? Нет? Шуриин Пчелинцева, вот кто!

Заведующий задумался. Он перелистнул доклад и продолжал:

— Вот у вас тут написано: «Таким образом, состояние комбината надлежит признать крайне неудовлетворительным»...

Туляков победно.

— Действительно, резковато будет! — сказал он. — Разрешите, я «крайне» вычеркну?

Но заведующий предложил:

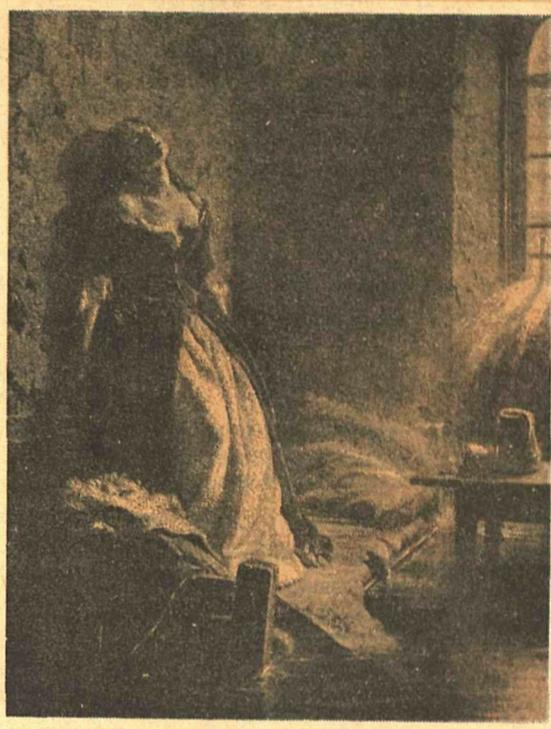
— А может быть, и еще помягче? А? «Не вполне удовлетворительным»?.. «Состояние комбината»... «не вполне удовлетворительным»?.. Согласны?

— вполне согласен-с! Я, в сущности, это самое и думал, только, знаете, спешка... С нерва сорвалось!

— Тогда переправьте! — сказал заведующий. — Осторожность никогда не мешает!

Художественное наследие старого строя, конечно, устарело. Но следует ли из этого, что его нужно выбросить? И по средствам ли нам тратить деньги на разные „АХХР'ы“ и „ИСТР'ы“? „Крокодил“ отвечает на эти вопросы отрицательно. „Крокодил“ предлагает проект простого и дешевого революционизирования старых картин: стоит только изменить названия.

Об'яснений и докладных записок к проекту не требуется. Он говорит сам за себя.

Флавицкий, К. Д.

Княжна Тараканова в Петропавловской крепости во время наводнения в С.-Петербурге.

Во вновь отстроенном доме.

Через день заведующий отделом вызвал к себе заведующего под'отделом.

— Доклад в таком виде, — сказал он, — пустить не могу. «Состояние комбината не может быть признано вполне удовлетворительным»... Позвольте! Какое значение вы придаете слову «вполне»? Ну, не «вполне», но все-таки ведь «удовлетворительно»? Так? К чему же тогда такие тонкости? Вы разве не знаете, что Червяков — шуриин Пчелинцева?

— Я, видите ли, — начал заведующий под'отделом, — думал над этим обстоятельством...

— А если думали, то в чем же дело?

Врид начальника управления вызвал к себе заведующего отделом.

— Я вот насчет доклада... Дела-то в комбинате, очевидно, ничего себе... «Состояние... удовлетворительное»... Очень хорошо! Пчелинцеву приятно будет! Вы ведь знаете, что Червяков — шуриин его, кажется... Но зачем, дорогой Иван Михайлович, у вас это так сухо как-то? «Состояние... признается удовлетворительным»? Нельзя ли как-нибудь поярче? «Находится в хорошем состоянии», например? А? Вы как думаете? Не возражаете? Ну, и отлично!

Член коллегии Пчелинцев, прочитав доклад, задумался:

— Какой это Червяков, чорт его дери? Шуриин у меня есть Червяков... Неужто он? Сомневаюсь. Глуп для комбината...

Поразмыслив, Пчелинцев позвонил и, передавая доклад, сказал:

— О результате ревизии приказ... Способности надо поощрять. А уходя со службы, он опять задумался на секунду:

— Какой же это однако Червяков? Из Казани разве? Одно знаю, что не шуриин Ванька!

В. Авилов.

ВИЛЫ В БОК

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ

По случаю перевыборов состоялось собрание уполномоченных У. Р. К. при Первомайском заводе, Нижегородской губернии:

Уполномоченным был предложен, как полагается, обед за счет кооперации, к обеду по полбутылке очищенной на брата. После обеда уполномоченные едва держались на ногах.

А потом небось будут писать в местной газете: «В нашей работе заметна струя оживления». Еще бы не заметна, если струя-то очищенная и имеет в себе 40 оживительных градусов!

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Омская газета «Рабочий Путь» в № 88 под заголовком «Не развивайте эпидемии бешенства» пишет:

«Пусть домовладельцы привяжут своих собак на цепь, пусть воздействуют на них в административном порядке».

В самом деле, чего с этими псами церемониться! Штрафовать этих сукиных детей или на три месяца в Допр!

БЛАГОРАСТВОРЕНИЕ ВОЗДУХОВ

9 апреля тов. Судоргин был назначен врид секретаря Черноморского исполкома. В этот же день новоиспеченный врид навредил такой циркуляр:

§ 6.

Воспретить всем лицам, появляющимся на улице в пьяном виде, производить буйство, бесчинство, шум или иные озорные действия.

Да зачем же это надо воспрещать? Любопытный в Новороссийске сам отлично понимает, что ежели человек выпил, то надо не шуметь и не буйствовать, а идти на левицу или в музей какой-нибудь, дабы сделаться гражданином, вполне достойным своего просвещенного начальства.

НЕУМЕЛОЕ УСЕРДИЕ

Неустроена до сих пор у нас жизнь. Люди никак еще не могут найти себе работу по специальности и по призванию, — какой-нибудь виолончелист, смотришь, редактирует газету, а боксбоек с бойни учит в школе. В результате происходят такие случаи:

В селе Тундутове, Сталинградского уезда, учитель Быкодоров ударил мальчика Мединцева книгой по голове с такой силой, что тот упал без сознания.

Вот видите! Ежели неумелыми руками вдалбливать сознательность ребятам в голову, то они все равно будут без сознания. Нет, что вы ни говорите, а каждый спец хорош только на своем месте!

ЗАТВОРНИКИ

Рабкор Фиалка с Северного рудника негодует:

Бюро нашего партколлектива никогда не пускает на свои заседания рядовых партийцев и вечно заседает при закрытых дверях.

Им иначе нельзя, тов. Фиалка! А то придете вы на заседание бюро и сразу обнаружите, что заседают товарищи хотя и уважаемые, но непонимающие задач партии.

ПРИВЕТ ЗАПОРОЖСКОМУ ГОССЕЛЬЗАВОДУ № 1,

который мы печатаем по просьбе крестьян дер. Первомайской, Котласского района:

Дорогие товарищи! Вы нам очень дороги, хотя и живете от нас далеко. Мы даже можем сказать, сколь вы нам дороги. А именно — в 40 рублей вы нам обошлись. Это — стоимость соломорезки вашего завода, каковая проработала неделю и вся износилась. Так-то, дорогие товарищи!

Заводу управление подороже обошлось, а качеством не выше соломорезок. Жаль только, что не изнашивается!

ОТ БОЛЬШОГО УМА

Работа среди меньшинств нелегка. Миллионер Белов на промысле Оранжевым так ее ведет:

Пришедших наниматься киргизов Белов всех разогнал. Многих побил ручкой нагана. Киргизы после этого говорили: «Опять урядник башка бьет».

Не слишком ли «башковатый» парень этот Белов?

ГДЕ ЖЕ СОБАКА ЗАРЫТА?

Кооперативная копейка, известно, с жару бесится. На этот раз она взбесилась так:

Затея с изданием газеты «Кооперативная Жизнь» влетела Ц. К. С. в копеечку. Выписали из Ростова спецредактора, купили ему квартиру, 4 месяца он занимался «организацией» и для начала разослал по газетам печатный «привет» своей газете, при чем в препроводительной бумажке и в самом «привете» обнаружилась вопиющая безграмотность.

Странно как-то получается. Хотели новую газету завести, гласность, можно сказать, усилить, с безобразиями бороться, а выходит — наоборот. С чего бы это?

МНЕ НЕКУДА БОЛЬШЕ СПЕШИТЬ...

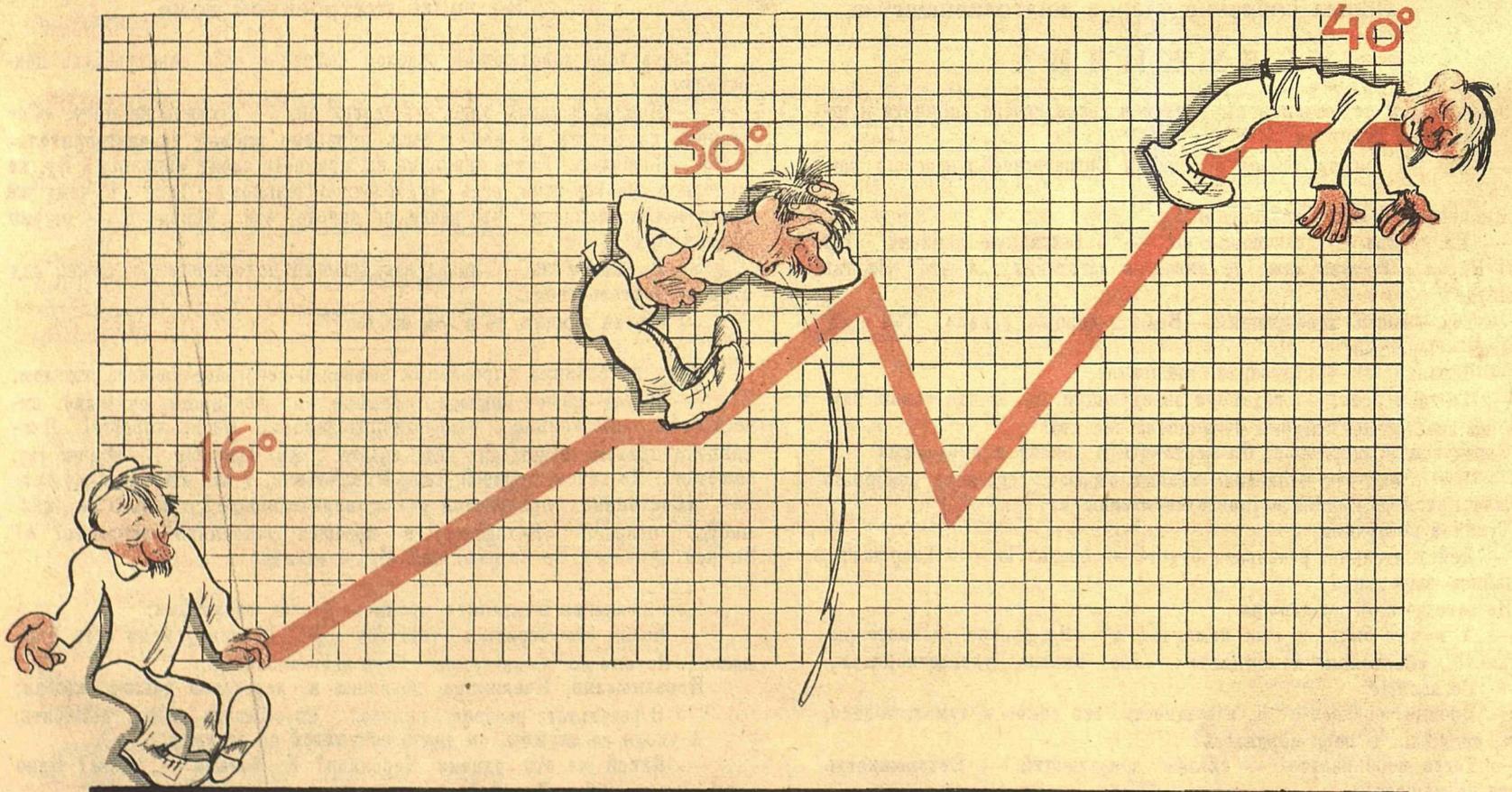
Рабкор Д. Я. Назаров из города Славянска сообщает такие факты про завхоза Профатило:

При отчетности у него не хватило 15.000 шт. кирпича. Нарядов на них тоже нет. Будучи в Харькове в командировке, за покупкой авточастей, Профатило купил себе из подотчетных сумм велошины и камеры и вписал все в один счет за № 246. По его вине было уплачено 499 р. 15 к. за простой 1.500 пудов груза электрокабелей, в виду того, что у него в кармане в течение 1 мес. и 23 дней лежали дубликаты на них. Сейчас ему предписано сдать дела новому завхозу, но он все уваливает и дел не сдает.

Вполне понятно, почему Профатило не торопится сдавать дела. Ведь после сдачи всех дел у него останется только одно дело и то — судебное.

Рис. К. Ротова

КРИВАЯ ПЬЯНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ

НЕУСТОЙЧИВО.

Б у р я.
Д о ж д ь.

И т и х о.
И я с н о.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ КУРОРТ

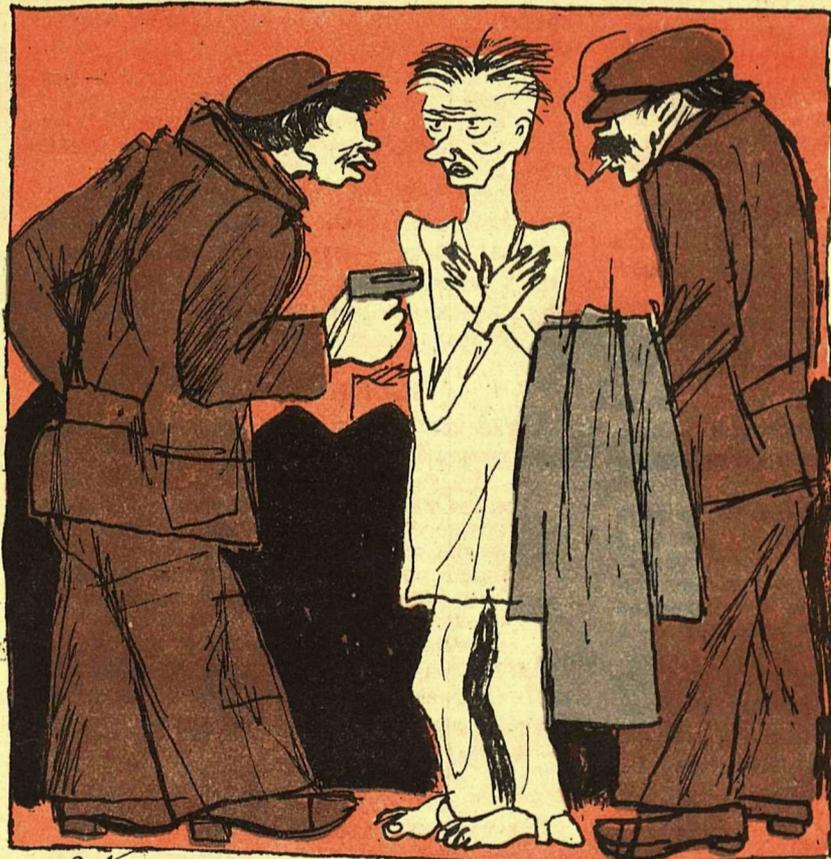
Рис. В. Козлинского

В городском трамвае можно ежедневно получать прекрасный всесторонний массаж.

Обливанием и холодными душами можно пользоваться бесплатно без различия пола и возраста.

Эксперимент 1926г.
Желающим принимать воздушные ванны стоит только попоздней отправиться в глухой окраинный переулок.

И, наконец, любой гражданин, зайдя на собрание, может спокойно пользоваться «мертвым часом», чего часто нет даже в санаториях.

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА на еженедельник сатиры и юмора

ЦЕНА № 12 коп.

„КРОКОДИЛ“

ЦЕНА № 12 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ 45 коп. в месяц.

Адрес редакции: МОСКВА, Охотный ряд, 7, тел. 4-85-62.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Главной Конторе „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“—Москва, Суцьевский Камер-Коллежский вал, 63.

СЕКРЕТ

Один корреспондент из г. Грозного описывает такой случай:

Исполком, выписав для крестьян семена трав, выкупить отказался, говоря: «Сейчас режим экономии, 10.000 рублей выбрасывать не желаем». А между прочим начадмотделу тов. Каграманяну было выдано 1.800 рублей на лечение.

И вот этот ехидный корреспондент спрашивает:

Сообщи, дорогой «Крокодил», свое мнение о таких делах.

Приезжай в Москву (Тверская, 3), с удовольствием скажем. А в печати опубликовывать неудобно: деликатные люди окончательно расстроятся и потребуют дополнительных сумм на лечение.

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ

Антирелигиозная пропаганда порой принимает угрожающие размеры:

В селе Плейка, вблизи Балашевского завода (южный Урал), верующие установили в дни пасхи на колокольне пушку и открыли праздничную стрельбу в честь воскресения христового. В результате смерти смерть поправ: один убит, а другому вследствие ранения отняли руку.

Если дальше будет вестись пропаганда в такой форме — в селе Плейка не только верующих, вообще людей не останется!

ЯЗЫК СМЫЧКИ

Из отношения правления Чистяковского Вакоопа (Дон. губ., Сталинского округа):

Если вы одновременно будете производить покупки товаров в различных наших отделениях, то вам придется заручиться несколькими экземплярами членских книжек в виде: дубликата, трипликата, квадрупликата, квинтипликата, секстипликата, сектопликата, октопликата, нонопликата, деципликата и т. д.

Когда-то говаривали: «Язык до Клева доведет». Такой же язык может довести самого скромного члена кооператива лишь до буйного помешательства.

ХИТРЫЕ КООПЕРАТОРЫ

Председатель Белорусского кооперативного объединения тов. Арапулич при заключении колдоговора торговался с союзом за каждую копейку, говорил красивые слова о режиме экономии и демонстративно вычеркнул себя и членов правления из ведомости на получение разницы. Но... через месяц он выписал себе и зав. торговделом увеличенное жалованье и разницу, при чем они вдвоем получили больше, чем все служащие объединения.

Конечно, большая разница между тем, что говоришь в союзе, и тем, что делаешь на следующий день «по долгу службы»; но мы все-таки не думаем, что эта разница будет столь значительной.

ГИКНУЛИ 10.343 РУБ. 43 КОП.

Сообщает нам тов. Советский про такой дешевый факт:

В конце февраля м-ца 1926 г. по инициативе Псковского ГИК'а был создан «Деловой клуб», оборудование и организация которого обошлись в 10.343 руб. 43 коп. Через 1½ месяца «Деловой клуб» ликвидировали.

И спрашивает тов. Советский:

Зачем закрыли клуб, когда деньги уже все равно погибли?

Чтоб глаза не мозолил, — раз. А два, — на кой чорт «Деловой клуб» неделовым людям?

ПОЛУЭКОНОМИЯ НА ПОЛУКРЕСЛАХ

В Саратовском районном управлении Центроспирта в целях экономии выдают один карандаш на 3 служащих и в то же время покупают за 257 рублей стол и три полукресла для нового уполномоченного тов. Ратта, которому не понравилась старая обстановка.

Вот пример образцовой экономии: вместо кресел куплены полукресла. Целых 50 процентов экономии! Учитесь, товарищи и граждане!

„НАШЕ ПЕРЫШКО“

Рис. худ. Дени.

Этот рисунок был помещен в „Правде“, в №, посвященном Дню Печати; в том самом №, в котором напечатаны статьи о борьбе за режим экономии, о задачах печати, как органа рабочего контроля, и т. п.

Неужели, по мнению Дени, „наше перышко“ питается только падалью?

Издевается Дени над таким „перышком“ или... хвастается им „всерьез и надолго“?

ЗАСТАВЬ БОГУ МОЛИТЬСЯ..

Секретарь ячейки МОПР при Владимирском отделе ГПУ Н. Козлов прислал нам отношение, полученное им из УК МОПР. Вот оно:

Влад. Уком МОПР с получением сего предлагает вам ликвидировать задолженность за литературу в сумме 1 коп., взятую вашей ячейкой.

Ну и что ж? Точное выполнение лозунга: «Берегите советскую копейку». Дело МОПР'а тут маленькое. Сказали б: «Берегите 2 советских копейки». Он бы и две сберег.

МЕДЛЕННОЙ ЧЕРЕПАХИ

Вот путь одного из бесчисленных советских циркуляров, старательно рассылаемых армиями совслужащих по необъятным просторам СССР:

Инструкция отдела рынка труда НКТ СССР от 27 октября 1925 г. попала в отдел труда Луганского округа только 12 декабря 1925 г., а в местное объединение коллективов безработных, помещающееся в том же доме, была передана только 14 апреля нынешнего года.

За это время безработные могли бы пять раз поступить на работу, а совслужащие быть вознагражденными такое же количество раз. Но какое дело циркуляру до жизни? Ему торопиться некуда. Он бессмертен.

ПОД ЗАМКОМ

Рабкор Черноокрасный сообщает:

Летом 1924 года в г. Трубчевске, Брянской губ., при партпрофклубе был устроен ленинский уголок в самой большой комнате. Специальный живописец расписал стены. Из Москвы доставили плакаты, бюст, мягкую мебель. Шик! И сразу же уголок заперли на замок, открывая лишь раз в две недели для занятий политшколы. Все книги Ленина и с Ленине были выбраны из библиотеки и валялись в уголке целый год. Сейчас книги куда-то убрали, а уголок окончательно заперли и не открывают до сих пор.

Ничего удивительного. Должно быть, администрация клуба очень дорожит уголком — поэтому и охраняет его так дотошно.

ИСТОРИЯ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Неизвестными лицами похищены у неизвестного гражданина известные вещи. По этому поводу читаем объявление в № 103 «Ижевской Правды», данное местным Обугрозским:

Обугрозский просит задержать следующие вещи: двое черных суконных брюк и одно женское платье весеннее с поясом, фуражку серую в клетку и мандолину, похищенные у неизвестного лица.

Трепещите, ижевские музыканты! Лето в самом разгаре, а вам придется забыть нежные мотивы и забросить свои мандолины. Трепещите и вы, товарищи в серых кепках в клетку. Сидеть вам в клетке Обугрозьска по подозрению в похищении кепки у лица, пожелавшего, очевидно, остаться неизвестным. А вы, женщины в весенних платьях, остерегайтесь поясов.

СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ

Издательство Наркомата РКК СССР в марте 1925 года разослало проспекты на справочную библиотеку хозяйственника-практика и администратора (в 30 выпусках за 15 рублей). Оно обещало в 1925 году дать первую серию всех 20 выпусков в прочных переплетах. В результате товарищ из Сталинграда, переведший издательству 15 рублей еще 27 апреля прошлого года, получил только 6 выпусков на сумму 5 руб. 50 коп. и притом без переплетов.

Нужно взять в переплет издательство за то, что выпуски оказались без переплетов. Но кто это сделает? «Сама себя раба бьет», а про рабкрин этого не сказано.

БЕДНЫЕ СОБАЧКИ

Бедные, бедные собаки города Торжка, почему вы не родились волками? Беззаботно и привольно жилось бы вам за пазухой у местных охотников.

Весь день 1 мая на окраинах Торжка шла беспрерывная стрельба из ружей, винтовок и револьверов. Оказалось, что охотники устроили облаву на местных собак.

Заятие, конечно, вполне достойное серьезного охотника. Главное, никакого тебе беспокорства: собака — существо довольно безобидное. А самое главное, даже в лес ходить не надо. Экономия-то времени какая! Всамделишный стопроцентный НОТ!

ТЕЛЕФОНОМАНИЯ

Время ночью мирное, но с такими вот порядками повоевать необходимо:

Ейский Рик отказал в установке телефона районному военкомату, но в то же время утвердил следующий список телефонов первоочередной важности: 1) кабинет предрика, 2) квартира предрика, 3) кабинет зампредрика, 4) квартира зам предрика, 5) кабинет секретаря Рика, 6) квартира секретаря Рика и т. д.

Алло, товарищи, не слишком ли жирно будет? Выговор всем вам, в целях экономии, можно прекрасно передать по одному и тому же телефону.

В ДОСКУ

Зря часто некоторые рабкоры протаргивают гр-н. Вот, например, пишут из с. Армянска (Крым):

Приехал к нам из гор. Джанкоя районный агроном Трифионов. И в тот же вечер он, местный агроном Кузнецов, член контрольного совета Березовский, члены сельхоз. товарищества, Примак и Дрема, бухгалтер Эмберг и счетовод Гневченко перепились в «Доме Крестьянина». Кончилось это тем, что вся эта компания, вынесши на руках Трифионова, положила его на подводу и отправила на вокзал.

Дорогой «Крокодил», колени хорошо вилами такого агронома.

Вот видите: Трифионова почти вся местная власть на руках носила, а вы просите ткнуть его вилами! Рука не подымается на такого человека.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Н. Кравченко

— С кого думаешь алименты править?
— Не знаю, на кого из двух подумать: на Кольку, на Мишку, на Федора или на Ивана Степановича. Верней всего— это от Володи.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТАБРЕВА

(Во время узаконенного 42-часового отдыха)

- И в любви тоже полезен режим экономии.
 - Человеку, получившему пять лет условно, невольно приходится считаться с условностями.
 - Не все написанное на стене есть стенгазета.
 - Пионер может стать комсомольцем, но может стать и хулиганом.
 - И беспартийный человек может быть переброшен обстоятельствами.
 - Неэкономно ради экономии забыть всякую другую работу.
 - И за стандартизованным столом благополучно может сидеть лентяй и дурак.
 - Лучше самому сократиться в расходах, чем быть сокращенному.
 - Если бухгалтерия плохо поставлена, она может быть хорошо посажена.
 - Некий гражданин говорил:—Я с удовольствием стал бы работать честно, но другие все крадут. И мне обидно.
 - Если ты оправдан по суду,—кто тебя осудит?
- Беспартийный Савелий Октябрев

ОПОЗДАЛ

10 часов. Кассира Черноусова нет в его деревянной клетке. Даже секретарша пред'а, Жигалова, успела притти, снять шубу и сидит, лудря покрасневший от мороза нос. Даже старший бухгалтер Иван Иванович уже отправился с докладом к председателю треста. А Черноусова нет.

У кассы толпятся шапки, кепи, шляпы. Атмосфера становится напряженной.

А часы хладнокровно и вполне равнодушно бегут вперед. Вот они достигли станции — «11». Нет, это не правда. Еще без трех минут одиннадцать, — и в эту самую минуту в помещение бухгалтерии влетает кассир Черноусов. Его вид не предвещает ничего хорошего. Ясно, что он убежал из сумасшедшего дома или судился по делу об алиментах. Обычно уравновешенные, чинные волосы Черноусова взерошены и предстают перед всем светом в хаотическом беспорядке. Его рука дрожит. Он с трудом передвигает ногами и хватается за столы, чтобы не упасть. Со всех сторон несутся соблазнительные любопытные возгласы:

— Что с вами? Анатолий Павлович, вы больны? Вы попали под автомобиль? У вас расстройство желудка? Вы отравились?

Анатолий Павлович Черноусов в трагическом экстазе поднимает руки к потолку, потом опускает их на голову и тербит волосы.

— Я.. Меня.. Я.. погиб..

— Да что с вами? К вам приехала теща? Вы не можете достать дров? Нет, наверное, вас переехал трамвай?

Черноусов понемногу приходит в себя. Он снимает пальто, приглаживает волосы и говорит: «Меня обокрали».

— Обокрали? Что? Где? Как? Кто? Сколько?

Из угла доносится неопределенное «гм»!.

Черноусов устремляет взоры в бесконечность, прерываемую обступившими его сослуживцами:

— Вчера я пошел в банк получить деньги. Вы знаете, какая там волокита. Деньги я получил в пятом часу. Возвращаться сюда было поздно. Я пошел с деньгами домой. Иду с Красной площади Александровским садом. В саду ни души. Только прошел шагов двадцать — вижу, ко мне несется целая орава беспризорных. Я соображаю, что эта встреча не из приятных. Смотрю по сторонам. Тут стена, тут решетка. Хочу бежать. Но в это мгновение на меня налетают эти бесенята. Один бросается под ноги, я падаю. Они выхватывают из руки мой портфель и убегают.

— Но они могли вас убить! — с истерической ноткой в голосе выкрикивает Жигалова.

— Конечно! Я вскакиваю на ноги, бегу сюда, туда. Никого нет!.

Анатолий Павлович снова ерошит свои волосы и шепчет из глубины истерзанного сердца.

— Я этого не вынесу. Я не могу жить после этого. Подумайте, у меня украли 1.500 казенных денег. Мне остается только умереть.

Жигалова нежно гладит волосы Черноусова. Счетовод подносит к его губам стакан воды.

Из кабинета председателя треста выходят старший бухгалтер Иван Иванович и в недоумении останавливаются перед живописной группой. При виде своего начальника Анатолий Павлович пытается встать, но его удерживают на стуле. Иван Иванович кладет на стол бумаги с резолюциями пред'а и выслушивает рассказ Черноусова. Потом он отзывает его в сторону:

— Дорогой мой, вы бросьте это дело.

— То-есть, что вы хотите сказать?

Иван Иванович берет со стола одну из бумаг и протягивает кассиру.

— «Рапорт старшего бухгалтера Ивана Ивановича...».

Слева резолюция — «Списать в счет непредвиденных расходов. Пред...»

Взор Анатолия Павловича падает на строки:

«Когда я вчера вечером проходил по Александровскому саду, на меня набросилось человек восемь беспризорных, которые...»

Черноусов молча кладет рапорт с милой резолюцией пред'а на стол главного бухгалтера.

Иван Иванович, улыбаясь, шепчет:

— Вы понимаете... мне, конечно, очень жаль, но... опоздали...

Анатолий Павлович поворачивается и с чувством оскорбленного величия удаляется в свою деревянную клетку.

Шапки, кепи, шляпы обрадованно глядят и выстраиваются в очередь. Но из кассы раздается: «Сегодня денег нет!»

Е. Чернявский.

В СУДЕ

- Видишь,—жертва служебного долга!
- А почему он на самые побсудимых?
- Долг, знаешь ли, велик очень.

В АМБУЛАТОРИИ

- Что же это,—вы вчера на руку жаловались, а сегодня на ногу?
- Так я вчера за себя приходил, а сегодня за товарища!

14606

В С Е В П О Р Я Д К Е

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
1 ИЮН 1926
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Начатые работы по постройке памятника Карлу Марксу на Свердловской площади в Москве прекращены. Снесенный фонтан вновь поставлен на место.

Рис. К. Елисева

— Можно шабашить: следы преступления заметены...